

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КОММУНИСТ

СОВЕТСКОЙ ЛАТВИИ

ЗАБОТЫ ДИРЕКТОРА
И ТРЕВОГИ КООПЕРАТОРОВ
АКЦИОНЕРЫ СТРОЯТ НА СЕЛЕ
ПАРТИЙНЫЙ РАБОТНИК
МЕЖДУ ФРОНТАМИ

ВОПРОС К И. БИШЕРУ:
ЧТО ПРОИСХОДИТ В КРЕМЛЕ?

ЗАМЕТКИ С КОНФЕРЕНЦИИ
«ПРИБАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН
ПРИ ГОРБАЧЕВЕ»

КОМСОМОЛ: КРИЗИС ДОВЕРИЯ

ПЕТР СТУЧКА. ЗА И ПРОТИВ

ДЛЯ СИСТЕМЫ ПАРТИЙНОЙ УЧЕБЫ

12
1989

122
1440

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КОММУНИСТ СОВЕТСКОЙ ЛАТВИИ

12 (645)

ДЕКАБРЬ
1 9 8 9

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ЛАТВИИ

ИЗДАЕТСЯ
С СЕНТЯБРЯ
1940 г.

ВЫХОДИТ
ОДИН РАЗ
В МЕСЯЦ НА
ЛАТЫШСКОМ
И РУССКОМ
ЯЗЫКАХ

СОДЕРЖАНИЕ

ШАГИ ПЕРЕСТРОЙКИ

Реформа экономики: финансовые аспекты (продолжение темы). Беседа с генеральным директором производственного объединения «Ригас мануфактура» А. БЛЕЙДЕЛЕМ и генеральным директором научно-агропромышленной кооперативной фирмы «Пардаугава» А. ЖУКОМ 3

Строительство ведут акционеры. Интервью с председателем республиканского объединения «Ляуку целтниекс» Р. МАЕВСКИМ 11

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Л. Пахарь. Массовое сознание. Идеология. Перестройка 16

ПАРТИЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО: МЫСЛИТЬ И РАБОТАТЬ ПО-НОВОМУ

Партийный работник между фронтами. Беседа с первым секретарем Цесисского райкома КП Латвии Д. СКУЛТЕ 24
В партийных и советских органах 30

НА АКТУАЛЬНУЮ ТЕМУ

И. Приедитис. Кризис «книжного» коммунизма в молодежном союзе 34

ГОС. ПЕЧАТНИЦАЯ
ВЕНА
117

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК КП ЛАТВИИ.
РИГА

НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА

- В. Вавере.** Нелегкая пора художественных по-
исков 40

СОВРЕМЕННЫЙ МИР: ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА

- «Прибалтийский регион при Горбачеве».** Заметки
с научной конференции 49

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

- Неуклонно двигаться вперед.** Беседа с замести-
телем председателя Совета Национальностей
Верховного Совета СССР **И. БИШЕРОМ** . . . 56
- Могут ли вожди ошибаться!** Интервью с докто-
ром исторических наук **Л. ДРИБИНЫМ** и док-
тором юридических наук **Э. СТУМБИНОЙ** . . . 63

ЗАМЕТКИ ЖУРНАЛИСТА

- А. Гурин.** Происшествие, увы, не чрезвычайное . . . 71
- К. Загоровская.** Латышский язык: шанс на выжи-
вание 76

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- А. Купцов.** Политический портрет Плеханова . . . 83

ДЛЯ СИСТЕМЫ ПАРТИЙНОЙ УЧЕБЫ

- А. Ушацкая.** Необходимость и цели правовой
реформы в СССР 91

- Указатель материалов, опубликованных в жур-
нале «Коммунист Советской Латвии» за
1989 год 100

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. БРОКАН [главный редактор], **Л. БАРАНОВСКИЙ**
[зам. главного редактора], **Ю. ГАНКЕВИЧ**, **М. ДУБРА**,
Л. ЗИЛЕ, **Э. КОЗУЛЕ**, **М. ОЗОЛС**, **Р. СКУДРА**, **Н. СО-**
КОЛОВА, **В. ТЕЙВАНС**, **И. ТИХОНОВА**, **В. ШВЕЙДЕ**
[отв. секретарь], **Я. ЮРАН**, **И. ЯКОБСОНЕ**

© ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК КП ЛАТВИИ.
«КОММУНИСТ
СОВЕТСКОЙ
ЛАТВИИ»
1989.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПЛЕХАНОВА // Коммунист

А. КУПЦОВ,
кандидат исторических наук

Сов. Лит-ва - 1989 -
- М12 - С 83-90.

В НАЧАЛЕ ЛЕТА 1918 ГОДА российская социал-демократия проводила в последний путь первого русского марксиста — Георгия Валентиновича Плеханова. Сам он философски трактовал сей итоговый для каждого момент как слияние с природой. Меньшевики пытались придать похоронам антисоветскую направленность. Большевики же на траурном заседании Петроградского Совета подчеркивали вклад марксиста Плеханова в победу социальной революции.

Борьба вокруг плехановского наследия, относительно оценки его роли в общественно-политической жизни России конца XIX—начала XX веков, начавшаяся при его жизни, не утратила остроты и в наше время. Во многом это связано с перестройкой, гласностью, усилившимся интересом к историческим истокам социалистических идей, революции, нашей государственной системы.

Политический портрет Плеханова не может быть одноплановым, статичным. Его интеллект нельзя выразить, оперируя лишь черным и белым. Здесь важны как контрасты, так и полутона. Даже люди, хорошо знавшие Плеханова, с симпатией воспринимавшие его, пользовавшиеся с его стороны уважением, порой резко расходились в оценках. Вот один из таких примеров: ставший хрестоматийным очерк М. Горького «В. И. Ленин», в той части его, где характеризуется Плеханов, вызвавший боль и негодование у Розалии Марковны — жены и друга Георгия Валентиновича. «Я вхожу в первый книжный магазин, — писала она, — покупаю брошюру, кидаюсь, так сказать, на художественный портрет Плеханова и прихожу в ужас! Никогда никто из злейших врагов Плеханова не создал такой карикатуры. ... Что ни слово, то искажение внешности Плеханова, его манеры говорить, манеры слушать, манеры держаться...» Кто прав? Истина есть у обоих. Но это не значит, что она лежит посредине, в противном случае путь к ней был бы арифметически прост.

РОДИВШИЙСЯ В 1856 ГОДУ в семье многодетного (в семье было четырнадцать детей) потомственного мелкопоместного дворянина, Г. В. Плеханов в наследство получил от матери навыки к умственной работе, от отца необычайное трудолюбие и повторяемый всю жизнь завет: «Надо всегда работать. Умрем — отдохнем».

В Петербургском горном институте, куда Плеханов поступил после смерти отца и где как материально необеспеченный получал стипендию, он познакомился с революционными народниками. В то время социалисты на Западе вели первый принципиальный спор о том, через завоевание ли государственной власти или через внегосударственную организацию общества в самоуправляющиеся ассоциации пролегает путь к социалистическому идеалу. Плеханов тогда склонялся к последним.

Предоставим ему самому прояснить свои идейные приоритеты того времени. «В народнический период моего развития я — как и все наши народники — находился под сильным влиянием сочинений Ба-

кунии, из которых я и вынес великое уважение к материалистическому объяснению истории. Я уже тогда был твердо убежден в том, что именно историческая теория Маркса должна дать нам ключ к пониманию тех задач, которые мы должны решить в своей практической деятельности. ... Но этот марксизм достиг до моего сознания, пройдя сначала через призму бакунийского учения, и потому он приводил меня к несостоятельным утопическим выводам». Каким же? Бакунинским: если политические отношения всякого общества основываются на его экономических отношениях, то политика не может служить средством освобождения пролетариата. Потребовалось время для осознания ложности этих казавшихся тогда Плеханову столь неотразимыми положений.

В январе 1880 года для Плеханова началась жизнь в эмиграции. Отъезд мыслился временным, на несколько месяцев. Но на родную землю ему пришлось вступить только весной 1917 года. Даже в 1905 году, когда правительственным манифестом 17 октября политическим преступникам давалась амнистия, открывая им возвращение на родину, тяжелая болезнь помешала ему воспользоваться этим. А вскоре в России опять начались аресты.

Эмиграция Плеханова была вызвана не только грозящим арестом, но и желанием теоретически разобраться в идейном хаосе российского революционного движения и противоречиях собственной позиции. Лекции в Женевском университете и парижской Сорбонне, занятия в крупнейших библиотеках, участие в диспутах социалистов разных направлений, дружеское общение с видными деятелями социал-демократии — это только часть его жизни. Но была и другая: давящая нужда, безденежье, удручающие заботы о хлебе насущном для прибавлявшейся семьи.

1882 год стал рубежом в его идейной эволюции. Отныне он марксист. Ф. Энгельс говорил В. Засулич: «Я знаю двух только человек, которые поняли и овладели марксизмом, эти двое: Мering и Плеханов».

20 лет действовала организованная Плехановым в эмиграции социал-демократическая группа «Освобождение труда» (1883—1903 гг.), распространяя марксизм в России, идейно готовя становление марксистской рабочей партии. Целое поколение российских марксистов было воспитано трудами Плеханова. Среди них и В. И. Ленин, для которого Плеханов долгое время был окружен ореолом.

Вместе с большевиками Плеханов разделил радость преодоления на II съезде РСДРП исторически возникшей раздробленности социал-демократии. Но это чувство было омрачено для Плеханова болью разбегу в рабочем движении над предшествовавшими социалистическими глубинными противоречиями между большевиками и меньшевиками, рассчитывая на восстановление партийного единства, Плеханов пошел на уступки меньшевикам.

Что ПРИВЕЛО ПЛЕХАНОВА К МЕНЬШЕВИЗМУ? Конечно, не длительный его отрыв от внутренней жизни России, не позволивший-де ему оценить и развитие капитализма, и быстрое политическое созревание пролетариата, и рост революционности крестьянства, как это часто объяснялось.

Плеханов сформировался в условиях, когда марксизм, одержав победу в рабочем движении над предшествовавшими социалистическими теориями, шел к своему триумфу. Во II Интернационале (1889—1914 гг.), в деятельности которого Плеханов принимал активное участие, тогда, в конце XIX века, доминировал революционный ортодокс-

сальный марксизм. Но с начала XX века он все более уступал свои позиции реформистской тенденции. Параллельно с утверждавшимся реформизмом формировалась новая форма революционного марксизма — ленинизм, назревал раскол рабочего движения на коммунистическое и социалистическое крыло.

Плеханов — ортодокс. И его последующая политическая позиция связана с тем, что верные для 80—90-х годов XIX века марксистские политические концепции он механически перенес в новую историческую эпоху, где они уже не всегда являлись адекватным отражением ее жизненных реалий. Он всегда старался при случае подчеркнуть, что его взгляды не претерпели с начала 80-х годов никаких существенных изменений и что российская социал-демократия избежала бы серьезных ошибок, если бы лучше усвоила политические идеи группы «Освобождение труда». А ведь как часто сам же он повторял строки любимого им Г. Гейне: «Новому времени новый костюм нужен для нового дела!»

Плеханов-политик не всегда укладывался в параметры правоверного меньшевизма. Отсюда и трения с официальным меньшевизмом. Еще весной 1904 года он сетовал П. Аксельроду, что его положение в «Искре» «становится очень затруднительным», что в меньшевистской редакции его «систематически майоризируют» и только стремление избежать «нового скандала» удерживает его от ухода в отставку, но в конце концов он будет вынужден это сделать.

Плеханов не принял ни III съезда РСДРП, на который прибыли лишь большевики, ни меньшевистской конференции в Женеве. Он обвинил и большевиков, и меньшевиков в ликвидации законных партийных органов. Тактика, принятая меньшевистской конференцией, писал Плеханов в «Искру», — это тактика Куропаткина, она «из рук вон плоха». Весной 1905 года Плеханов обсуждал со своей единомышленницей Л. Аксельрод вопрос о совместном выходе из меньшевистской «Искры». «Я не могу дышать тем воздухом, которым теперь приходится дышать всякому, принадлежащему к меньшинству. Весь вопрос в том, как выйти: с шумом или без шума, и я думаю, что, принимая во внимание интересы партии, следует выйти без шума», — писал он. В июне 1905 года они порвали с «Искрой».

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ ПЛЕХАНОВА с того времени, когда раскол российской социал-демократии определился в сфере тактики и до начала мировой войны, — центристского характера. Центристский феномен связан с реакцией К. Каутского, Р. Гильфердинга и близких к ним по типу мышления и образу политических действий марксистских ортодоксальных элементов международной социал-демократии на родившийся и утверждавшийся реформизм и на борющееся против последнего левое революционное социал-демократическое направление, на назревавшее оформление социал-демократического и коммунистического течений.

Напомним, что политическая сущность центризма заключалась в стремлении задержать, остановить процесс размежевания социал-демократии на два основных направления, утвердить в ней свое господство путем подчинения правого и левого крыла якобы уравнивающему обе тенденции марксистскому центру. В понимании его лидеров центризм — это сила, равноудаленная от правого и левого флангов социал-демократии, представлявших отклонение от марксистской истины, находящейся в центре. В действительности же он, центризм, не был лишен самостоятельности, хотя и относительной.

Сам Плеханов неоднократно подчеркивал центризм своей позиции.

«Я — меньшевик не без оговорки», — говорил он на заседании меньшевиков-партийцев летом 1909 года в Женеве. В октябре 1910 года, просмотрев рукопись второго издания труда Н. Рубакина «Среди книг», Плеханов возражал автору против причисления его к меньшевикам. Он считал, что его нельзя «зачислять... ни в одну из фракций». Готовясь к выступлению перед российскими социал-демократами в Цюрихе летом 1911 года, Плеханов записал в конспекте доклада: «Думаю, что я никого не удовлетворю, по крайней мере — ни большевиков, ни меньшевиков. Но что делать: надо следовать правилу Ибсена: быть самим собой».

В обоснование своего центристского положения Плеханов собирался на одном из социал-демократических собраний рассказать о своем разговоре с Ф. Энгельсом о Н. Даниельсоне и П. Струве. И как резюме из этого разговора отметил в черновике: «Иногда нельзя согласиться ни с тем ни с другим. ...Середина на половине? Нет, высший принцип, с точки зрения которого покажется, что оба противоположных течения (намек на большевиков и ликвидаторов. — А. К.) представляют собою лишь две противоположные стороны одной и той же ограниченности». И еще. «Я не могу и не хочу принижать свою точку зрения до уровня «большевизма» или «меньшевизма», — писал Плеханов в 1911 году. И в апреле следующего года он подчеркивал свою нефракционность: «И, как бы ни удивлялись неосведомленные люди нашему непостоянству, мы будем «хвалить» сегодня одних, а завтра других».

Свое место в социал-демократии сторонники Плеханова определяли путем сопоставления с позицией К. Каутского в СДПГ, которому тоже приходилось сталкиваться с такими полярными крайностями, как слишком умеренный Эдуард Бернштейн и «чересчур неумеренная» Роза Люксембург. Выступая перед русской революционной эмиграцией в сентябре 1910 года в Женеве, Плеханов, оценивая дебаты на Магдебургском съезде СДПГ, отметил: «Я тоже — Zwischen Baden und Luxemburg (между Баденом и Люксембургом. — А. К.)». (Плеханов здесь использовал название одной из статей К. Каутского против Р. Люксембург, являющейся наряду с его работами «Что же теперь?» и «Новая стратегия» первым обнародованным манифестом центризма.) И Каутский, и Плеханов, подхвативший его образную фразу, отождествляли лишь свою позицию с позицией К. Маркса: между оплотом германского социал-реформизма — городом Баденом и герцогством Люксембург (каламбур: Р. Люксембург возглавляла левое течение в партии) находился город Трир — родина К. Маркса.

Известный исследователь наследия Г. Плеханова Самуэль Бэрон писал, что «против двух великих идеологических уклонов своего времени — бернштейнианского ревизионизма и ленинского большевизма — Плеханов боролся настойчивее любого другого лидера ортодоксального марксизма», но эта борьба на два фронта «не имела успеха: ревизионизм победил на Западе, большевизм в России, ортодоксальный марксизм нигде».

Говоря о своей особой позиции в период 1908—1914 годов, Плеханов не раз подчеркивал близость своего политического мировоззрения к меньшевистскому: «Как французский крестьянин XVIII века не раз кричал «Да здравствует король без соляного налога!», так и я от всей души готов кричать: «Да здравствует меньшевизм без ликвидаторства, то есть революционный меньшевизм!» Меньшевизм, считал он, — это «средство» для теоретического и практического торжества в России марксизма.

А что касается особого положения Плеханова в меньшевизме, оно,

как нам представляется, связано с особенностями его марксистской ортодоксии, его интеллекта, а также характера.

Плеханов со временем уверовал в свою теоретическую монополию на право трактовки марксизма в России. Он приобрел менторский тон, любые возражения задевали его самолюбие. Это отмечалось современниками, в том числе и лицами из ближайшего плехановского окружения. «Все, что происходит, оценивается им (Плехановым. — А. К.) лишь постольку, поскольку это совпадает с его мнением. Поэтому говорить с ним о современном движении невыносимо тягостно. ... Просто «социалист вне партий», который будет брюзжать по адресу и тех и других (большевиков и меньшевиков. — А. К.), памятуя, что он — превыше всех», — так зафиксировал свои впечатления от встреч с Плехановым в начале 1906 года М. Покровский. А как задела Плеханова фраза, когда-то брошенная ему в споре народником В. Дебогрием-Мокриевичем: «Я был революционером, когда вы, Жорж, штаны еще не носили!» Плеханов не растерялся и тут же парировал: «Но теперь, когда мы оба в панталонах, надеюсь, вы можете разговаривать со мной, как равный с равным». А со временем подобный аргумент стал бросать своим оппонентам сам Георгий Валентинович: «Ваша маменька еще не была знакома с вашим папенькой, когда я был уже марксистом, а вы спорите со мной!»

Для ПЛЕХАНОВА-ПОЛИТИКА ХАРАКТЕРНО педантичное преклонение перед буквой марксизма. Он догматичен. К трудам К. Маркса и Ф. Энгельса он подходит нередко как к некоему политическому рецептурному справочнику. При этом, как это присуще было марксистской ортодоксии, он в какой-то мере упрощал взгляды основоположников марксизма. Отчасти это упрощение вызывалось потребностью популяризации марксистского учения, стремлением к большей доходчивости изложения для пролетарского читателя.

Плеханов стремился к логической цельности своей позиции. Противоречия, диалектику российской общественно-политической жизни он стремился уложить в рамки той или иной принятой марксистской формулы. Для его политического анализа характерны приоритет формальной логики перед конкретной ситуацией, известный академизм в исследовании общественных процессов, стремление искать ответ на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины. Анализируя революционные процессы в России начала XX века, Плеханов пытался найти ответ на встававшие вопросы в исторических западноевропейских аналогах.

Дабы, хоть отчасти, преодолеть голословность наших утверждений, обратимся к плехановскому анализу какого-либо вопроса, допустим, аграрного — о роли крестьянства в революционном процессе, и посмотрим, проследим, как плехановская интерпретация исторического прошлого увязывается им с современным ему состоянием проблемы и вписывается в некую стройную логическую конструкцию.

Понимание Плехановым аграрных проблем в России в XX веке теснейшим образом связано с трактовкой им социально-экономических аспектов истории страны, прежде всего с представлениями о восточном, азиатском характере российского деспотизма. Социальная психология крестьянства и в XX веке оставалась психологией, возникшей на основе общественных отношений допетровской Руси. Поэтому Плеханов не считал крестьян революционной силой в настоящем смысле этого слова в первой российской революции. «Крестьянская Азия временно поддерживает пролетарскую Европу. — Узкие пределы этой поддержки. —

Ее непрочность. — Политический индифференцизм крестьянства», — писал он в «Общем плане «Истории русской общественной мысли».

Исходя из таких представлений, Плеханов выступал против национализации земли в буржуазно-демократической революции, усматривая в этом сохранение в неприкосновенности основы старого азиатского абсолютистского порядка. В меньшевистской программе муниципализации земли он видел разрыв со старым порядком, а в органах общественного самоуправления — оплот против реставрируемой реакции. Вместе с тем Плеханов допускал оговорку, что он «не безусловный сторонник муниципализации», что в случае выбора между национализацией и разделом земли в собственность крестьянам он предпочел бы раздел. Тем не менее, как свидетельствует В. Левицкий (Цедербаум), после сухой и вялой речи меньшевика П. Маслова доклад Плеханова на IV съезде РСДРП, отстаивавшего муниципализацию земли, произвел сильное впечатление на колеблющуюся часть меньшевиков.

Плеханов солидаризировался с выводами А. Лосицкого, который писал, что несмотря на политические тенденции и недостатки, столыпинское законодательство об общине отвечает интересам значительных масс крестьянства, имеет хозяйственно-прогрессивный характер и знаменует движение деревни к капитализму, хотя и оставляет нетронутыми основные причины крестьянских движений — бесправие и малоземелье. В законах 14 июня 1910 года и 29 мая 1911 года он увидел «окончательное» разрушение пережитков общественной психологии времен аграрной политики московской Руси и отмечал, что «этот шаг дворянской контрреволюции есть шаг в сторону европеизации наших общественно-экономических отношений», что он «принесет в конечном счете революционный результат». А устранение старых политических предрассудков делает крестьянство «более способным, нежели раньше, к сознательному участию в освободительном движении». Весной 1914 года Плеханов вел речь о трудящейся массе, которая пойдет в революции под руководством пролетариата. Таким образом, ему удалось преодолеть типичную для ортодоксального марксизма трактовку крестьянства как класса, связанного с отживающими экономическими отношениями и потому консервативного. Хотя при этом жизненные реалии были подогнаны под принятую им логическую схему.

На IV съезде РСДРП у Плеханова с меньшевиками было полное взаимопонимание. Ему даже казалось, вспоминал он позднее, что близка его мечта: «выдержанное направление марксистов». Эту мечту Плеханов лелеял и после поражения первой революции, когда он вступил в борьбу против меньшевиков-ликвидаторов. Ликвидаторство, как известно, ориентировалось на поддержку либеральной буржуазии для образования широкого оппозиционного фронта, на длительный период реформ, на отречение от подпольной деятельности и легализацию социал-демократии. В последнем пункте ликвидаторской триады Плеханов усматривал угрозу тому делу, которому он посвятил свою жизнь.

Группы меньшевиков-партийцев, лидером которых был Плеханов, в целях сохранения нелегальной партии пошли на сближение с большевиками. Этот блок способствовал изоляции ликвидаторов и росту влияния большевиков среди рабочих. Плеханов выступал за разрыв с ликвидаторами. «Когда лучше объединена была апостольская община: тогда ли, когда в ней еще находился Иуда-предатель, или же тогда, когда он повесился?» — риторически вопрошал он. Но борьба Плеханова с ликвидаторством была борьбой за укрепление меньшевизма путем очищения его от правых ересей. Поэтому в решающие моменты

борьбы с ликвидаторами, в ходе которой усиливались большевистские организации, Плеханов и его сторонники проявляли серьезные колебания.

ПОЧЕМУ ЖЕ укрепление большевистского союзника в борьбе с ликвидаторской «полумарксистской сволочью», как выразился Плеханов, пугало его? Это связано с тем, как он понимал сущность раскола российской социал-демократии и большевизма.

Причины раскола Плеханов выводил из интеллигентского состава партии в период ее возникновения. Если засилье интеллигентов в партии привело к расколу (интеллигентский индивидуализм воспротивился коллективизму единой организации), то пополнение партийных рядов рабочими, начиная с первой русской революции, по мнению Плеханова, должно ослабить влияние интеллигенции в социал-демократии и привести к единству. Меньшевизм и большевизм были «жестокими болезнями» партийной «юности», приход пролетариата в партию, считал он, приближает социал-демократию «к зрелости». «Фракционная батрахиомахия (война мышей и лягушек. — А. К.)», как называл Плеханов борьбу большевизма и меньшевизма, тем самым отживала свой век.

Скажем прямо: Плеханов здесь не оригинален. Объяснение раскола российской социал-демократии приостановкой внутреннего развития партии из интеллигентской в пролетарскую было типичным для меньшевизма вообще. Плехановская конструкция логична, но ошибочна. Ему еще предстояло увидеть более острые формы этой борьбы. А о самом трагичном в этой схватке ему знать будет судьбой не дано.

Исходя из такого понимания раскола, плехановцы усматривали наибольшую опасность в стремлении быть большинством у В. И. Ленина, Ю. О. Мартова, Ф. И. Дана и других, для которых фракционные распри-де затмевают значение единой социал-демократической партии. Плеханов постоянно проводил параллель между ликвидаторами и большевиками, обвиняя последних в ликвидаторстве слева: брошюра Мартова «Спасители или упразднители?» — «постыдное произведение», утверждал он. Но и брошюра Каменева «Две позиции» в значительной части несколько ее не лучше; «организаторская деятельность т. Ленина, как две капли воды, похожа на дезорганизаторскую»; Пражская конференция сделала шаги к ликвидации части партии, но и участники августовской конференции также ликвидаторски уничтожают единство во имя обеспечения фракционного большинства.

В 1910 году Плеханов заявил, что с меньшевиками-ликвидаторами «никаких других отношений, кроме полного разрыва, быть не может». Но и к блоку с большевиками он относился весьма осторожно: «Заключить союз с Лениным? Это было бы нашим самоубийством. Ленина мы поддержим всякий раз, когда он постыпит умно. Но и только. Более тесное сближение с ним невозможно...»

В единой РСДРП Плеханов хотел видеть преобладание «революционного меньшевизма». Укрепление большевизма в рабочем и социал-демократическом движении, а он объективно сам ему способствовал своей борьбой против ликвидаторства, не могло не вызвать с его стороны протеста, угроз разрушить единство, достигнутое большевиками. Вот почему накануне мировой войны Плеханов блокировался с теми меньшевистскими силами, против которых выпустил столько критических стрел. Их хватило на целый XIX том его собрания сочинений...

В годы войны Плеханов пересмотрел свою антивоенную позицию периода русско-японской войны. Он занял крайне правый фланг россий-

ской социал-демократии. Составляющие его политической платформы — полный джентльменский набор социал-шовинизма: защита отечества в империалистической войне, практический отказ от классовой борьбы, союз социалистов с отечественной буржуазией. Но в отличие от европейского российский социал-шовинизм соединял шовинизм с умеренным революционным демократизмом. Свержение самодержавия им рассматривалось как предварительное условие и залог избавления страны от опасности поражения. Горько читать страницы стенограммы четвертой сессии IV Государственной думы, когда монархист В. Пуришкевич, обосновывая защиту отечества, подкрепляет свою позицию анализом брошюры Плеханова «О войне»: «Затем, у него идут высокие патриотические страницы, у него, — социал-демократа, если закрыть имя автора, то не знаешь, кто это произносил».

31 МАРТА 1917 ГОДА за полночь многотысячная толпа встречала на Финляндском вокзале столицы вернувшегося в Россию после почти сорокалетней эмиграции Плеханова. «Марсельеза», приветственные речи лидеров Петроградского Совета и ответное слово Плеханова: «Будем тверды, будем укреплять дело свободы внутри страны и всеми силами отражать внешнего врага».

Плеханов и возглавляемая им группа «Единство» заняли социал-шовинистическую позицию, выступили за поддержку Временного правительства. Не только официальный меньшевик отмежевался от группы «Единство», но даже правый фланг партии — меньшевики-оборонцы чурались плехановцев. Не случайно «гостями» заболевшего вскоре после возвращения Плеханова были генерал Алексеев, адмирал Колчак, черносотенец Пуришкевич, октябрист Родзянко.

Считая, что диктатура пролетариата может быть установлена только в стране, где вызреют объективные исторические условия для этого, что большевики авантюрно превышают пределы возможностей вмешательства в исторический процесс, Плеханов тем не менее осознал перспективность, ~~целесообразность~~ ^{целесообразность} борьбы ~~за~~ ^{за} установившейся в октябре 1917 года Советской властью. И когда в ноябре квартировавшего в Царском Селе Плеханова посетил бывший эсер, террорист Б. Савинков с предложением возглавить правительство, которое намечалось сформировать после подавления революции, он в ответ улыбаясь: «Я сорок лет своей жизни отдал пролетариату, и не я его буду расстреливать... И вам не советую этого делать. Не делайте этого во имя нашего революционного прошлого... Большевики взяли власть надолго, и может быть, навсегда».

Велик и весом вклад Г. Плеханова в русскую культуру. И в XIX и в XX веках он дал много ценного в области общесоциологической теории, эстетики, этики, истории философской и общественной мысли. Но подняться на тот теоретический уровень, который был необходим для творческого осмысления новой исторической эпохи, утверждавшейся на стыке двух веков, ему было не дано. «Удивительно, что он, который всегда заявлял о превосходстве диалектического образа мышления, о необходимости всегда принимать во внимание условия времени и места, не смог разглядеть уникальные трудности русской ситуации и оставил их разрешение на произвол судьбы», — писал о позиции Плеханова в 1905 году С. Бэрон. Это с не меньшим основанием можно отнести и к последующим переломным моментам истории, действующим лицом в которых был Георгий Валентинович Плеханов.